

Розанов Василий Васильевич

Библейская поэзия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич Р.**
Библейская поэзия / Розанов Василий Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 41 с.

ISBN 978-5-519-80990-0

Филологические науки. Художественная литература -- Мировая литература -- Литературы, объединенные по языковому признаку -- Литература на семитских языках -- Литература на древнееврейском языке (иврит) -- Древнееврейская литература -- История литературы. Идеино-художественные особенности литературы -- История жанров -- Древнейшие памятники и своды произведений разных жанров

ISBN 978-5-519-80990-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
О поэзиі въ Библии	9
О «Пѣснѣ пѣсней»	27

«О поэзіи въ Библии» было написано въ 1909 году; печатается-же теперь впервые.—«О *Пѣснь пѣсней*» было написано въ 1909-мъ году и тогда-же напечатано предисловіемъ къ изданію «Пантеона»: «*Пѣснь пѣсней* Соломона. Переводъ съ древне-еврейскаго и примѣчанія А. Эфроса. Спб. 1909 г.».

Спб. 1911 г., октября 16.

О поэзіи въ Библіи.

Далекія, далекія пустыни... Солнце страшно печетъ, ночи холодныя... Солнце, какъ острый глазъ въ небѣ, жгучій, сыплющій лучи,—въ небѣ почти черномъ; и звѣзды огромныя, какъ бы наполненныя сокомъ, жизнью-кровью—разбросаны въ глубинѣ небесъ, и кажутся висящими надъ землею какъ золотые плоды всемірнаго распустившагося дерева, подъ сѣнью котораго лежитъ земля, и вотъ на ней шалашъ человѣка...

И человѣкъ худошавый, высокій, съ длинной сѣдой бородой, столѣтній... Сухое тѣло, темная кожа, жгучая кровь. Она стара и не стара. Здѣсь люди поздно старѣютъ, поздно зрѣютъ, не выхолаживаются, не пустѣютъ.

Говорить не съ кѣмъ... Говорятся немногія слова. Говорятся въ случаяхъ многозначительныхъ. Нуженъ необыкновенный феноменъ, чтобы на камнѣ, листѣ пальмы, кожаной тряпкѣ записать что нибудь; и необычайное нужно стеченіе обстоятельствъ, чтобы записанное сохранилось.

Полное отсутствіе письменности, почти полное... Не для кого писать: кто же будетъ тогда писать?!

Но душа человѣка вѣчно полна рѣчей... Писаныхъ, не написанныхъ, все равно — полна: какъ сердце, видимъ мы его или не видимъ, слушаемъ его біеніе или

не слышимъ — оно полно кровью и дѣлаетъ все, что сердцу принадлежитъ дѣлать. И, «словесное существо», человѣкъ говорилъ до письменности также много, какъ говорить и при письменности: но когда некому говорить, слова остаются въ сердцѣ, и жгутъ сердце, воспитываютъ его, умудряютъ его.

Сухіе, высокіе старики пустынь были мудрые люди. Великій жаръ безмолвной души связался съ великимъ жаромъ палящаго солнца, полнокровныхъ, полносочныхъ звѣздъ; и стало что-то одно, между Землею и Небомъ, не Земля и не Небо...

Стала молитва. Стало чувство Бога.

Стала религія.

Безъ догмъ, безъ опредѣленій, безъ границъ... Религія безконечная, какъ безконечна пустыня. Религія какъ торжественность. Религія какъ святость.

Религія какъ «мое» у cadaго старика.

Но какъ старики были похожи другъ на друга, и пустыня—одна, то и религія—была одна. Безъ уговоровъ, безъ условій, безъ соглашеній.

«Моя» дѣла.

«Наша» дѣла.

Какъ прозрачный, утренній голубой туманъ между росистой землею и восходящимъ солнцемъ. Гдѣ его граница? Долго ли простоятъ онъ? Зачѣмъ спрашивать: гляди и любуйся.

Такова была «религія» этихъ старцевъ: просто—ихъ «дѣла»; и, полнѣе—ихъ существо, столь же фізіологическое, какъ и духовное.

Немногое изъ этихъ «дѣлъ» было записано. Какъ «записалось» —это почти чудо, феноменъ. Больше было

запомнено, — благочестивой памятью дѣтей, благочестивой памятью внуковъ, даровитымъ любопытствующимъ сосѣдомъ, передавшимъ сосѣду, сыну, внуку «слова», изреченія «вонъ того высокаго старика».

И какъ солнце не задерживается въ ходѣ своемъ, такъ никто не заграждалъ воли этихъ стариковъ... Сухіе и не сухіе, старые и не старые,—каждый изъ нихъ былъ окруженъ народцемъ: женъ и женъ, рабынь и наложницъ, дѣтей-дѣтей-дѣтей, множества дѣтей, и внуковъ, глядя на которыхъ къ девяносто годамъ старецъ шепталъ: «ихъ—какъ песку въ пустынь».

И дальше—стада... Дерево и плоды его... Виноградникъ и виноградъ... Козій сыръ, овечья шерсть, молоко-молоко-молоко,—коровъ, кобылицъ.

Сонъ. Отдыхъ. Не торопливый, не нервный трудъ... И размноженіе,—какъ у овецъ, у кобылицъ, у ословъ, у круторогихъ могучихъ быковъ.

И хорошо и не хорошо.

Полно и мало.

Человѣкъ благодарилъ Бога.

Въ это время Европа была еще ледяная, холодная, дикая, необитаемая.

«Я» земли было въ этихъ старикахъ.

И какъ они были одни, то это было всемірное «я».

И мелькнулъ историческій день. Два дня. Пронеслись вѣка... Земля зашумѣла и помолодѣла.

Древняя земля была стара. Чѣмъ ближе къ намъ—молодѣе. Земля родилась изъ стараго лона, и какъ растеть—все молодѣеть.

Вотъ города Финикіи, торговые, шумные... Спѣшатъ корабли къ Сидону, къ Тиру, къ Библосу... Вдали сла-

гаются громадныя царства, и за пустыней лежитъ Ассирія, пугающая робкія племена... Въ высокихъ, таинственныхъ, молчаливыхъ дворцахъ слагаются свои легенды. Свои миѡы, своя исторія.

По ту сторону моря—старый какъ земля Египетъ, начала котораго никто не помнитъ, и всѣмъ кажется, что онъ вѣчно былъ и никогда не начинался. Былъ какъ есть, стройный, мудрый, сложный.

Тамъ все мудро,—тамъ науки, традиція наукъ. И когда онѣ родились—тоже никто не знаетъ. Родились при храмахъ, какъ великая тайна, какъ великій секретъ старцевъ. Первая «наука» самому изобрѣтателю ея показалась какъ чудо, какъ колдовство, какъ небесное откровенье. Квадраты чиселъ, кубы чиселъ, первая разрѣшенная ариѳметическая задача поразила человѣка, какъ радій наше время.

«Все это такъ необыкновенно. А необыкновенное—отъ Бога».

Между Аравіей, Египтомъ и Финикіей, по сю сторону Ирана и Месопотаміи, лежали полосы земли, никому не понадобившіяся и никѣмъ пока не занятыя. Здѣсь бродили остатки и потомки тѣхъ древнихъ стариковъ, кости которыхъ покоились въ священныхъ могилахъ. Могила копалась около могилы. А вѣсь ставилась около вѣси... И тѣ же стада и тѣ же дѣти... Также много женъ. И границы семьи и племени, рода и народа, не разграничивались.

Родъ переходилъ въ народъ. А народъ раздѣлялся на роды.

И также всѣхъ жгло солнце... И также говорило всѣмъ Небо... И также человѣкъ слушалъ Небо.

Но уже все болѣе шумѣло, все помолодѣло.

Старцы чуть чуть отодвинулись вдаль. Отодвинулись за занавѣски палатокъ. Уже отъ того, что они безмолвны, или мало говорятъ, — кажется, что «нѣтъ ихъ». На передній фасъ выдвинулось мужественное и молодое, говорливое, шумное, любящее, имѣющее «исторіи». Женщины, которыя не смѣли поднять головы въ присутствіи «владыки и мужа» своего, того прежняго старца, — теперь поднимаютъ глаза, руки, рѣчи, — и всему сообщаютъ совершенно новый рисунокъ.

Солнце помолодѣло. Земля помолодѣла. Все помолодѣло. Отъ того, что всего стало больше и все сдѣлалось шумнѣе, оживленнѣе.

Рождать перестали такъ безмолвно, какъ прежде, какъ овцы и козы и ослицы. Проглянули человѣческіе глаза, проглянули въ самомъ рожденіи. Чего-то захотѣлось. О чемъ-то вздохнулось. Что-то вспомнилось. Гдѣ-то на краю пустыни случился первый романъ, — о которомъ разсказывали подъ шатрами со страхомъ и любопытствомъ.

Какъ будто первозданныя громадныя скалы распались: и произошли холмики, долины, зеленѣющія, съ цвѣточками.

Запѣлась пѣсня. Разсказалась сказка. Послышался речитативъ, первый ритмъ, первая музыка.

Человѣкъ юнѣлъ, мудрѣлъ. Человѣкъ сталъ сложнѣе.

Родился грѣхъ. Родилось соперничество. Родилась зависть...

Молитва стала гораздо сложнѣе: стало надобиться замолить тоску.

Понадобилось укротить страхъ.

Понадобилось «отвратить врага и хищника» отъ воротъ дома своего.

Лѣсъ росъ еще прямо. Но въ лѣсу закопошились гады.
И все-таки земля была еще очень хороша.

На этихъ полоскахъ земли, которыя пока еще никому не понадобились,—бродили евреи. Съ робостью взирали они на старый Египетъ, могущественную Ассирію, изумительныхъ финикіанъ. Они были всѣхъ темнѣе, дичѣе, первобытнѣе. Они смотрѣли изъ своего «я» на сосѣднія могущества и мудрость, какъ деревня смотритъ на городъ,—огромный, непонятный и пугающій.

Они были робки.

Они были кротки.

Въ нихъ было что-то тихое, милое и молчаливое. Когда первобытныя скалы раскололись, — въ сторону откатились драгоценнѣйшія камешки, немногіе, внутри ихъ хранившіеся. Они откатились далеко и сейчасъ затерялись. Ихъ никто не нашелъ. Но чуднымъ сознаніемъ горѣлъ каждый камешекъ: «я—лучшее у Бога».

«Мы самое лучшее на землѣ»: такъ—все безмолвно, никому не передавая—думали эти дивящіеся на міръ, на города, на царства пастухи, земледѣльцы, ремесленники, торговцы.

Маленькая земля, маленькій торгъ, маленькое «свое» у cadaго: и среди этого «своего» величайшая драгоценность — сознаніе, что ради этого «я» и «мое» весь свѣтъ созданъ.

«Мы—маленькіе. И никто насъ не видитъ. Но міръ созданъ для насъ»; «если бы не для насъ, то Богъ и вовсе не создалъ бы міра.

«Но этой тайны никто не пойметъ и никто не видитъ. И эта тайна—такая страшная и особенная, что мы никому ее не выдадимъ, если бы даже стали разрѣзывать наше тѣло на куски.